

КОНТЕНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сергей Лесин

18+

Сергей Лесин

КОНТЕНТ

«Автор»

2026

Лесин С.

КОНТЕНТ / С. Лесин — «Автор», 2026

Ты умер. Но стриминг не остановить. Максим выпил кофе, посмотрел на огни города — и потерял сознание. Очнулся в странной комнате без окон и дверей. На столе — три монитора, три колбы с песком и таймер, отсчитывающий последние часы его тихой жизни. Он — контент. Зрители смотрят, донаты падают, песок пересыпается. Красный — для тех, кто готов сгореть. Белый — для тех, кто хочет раствориться. Золотой — для тех, кто верит, что третий путь возможен. Кто-то выбирает покой и растворяется в свете. Кто-то выбирает огонь и рассыпается в пепел. Кто-то застывает в не-выборе и становится частью декораций. А за всем этим кто-то наблюдает. Тот, для кого нет правил. «КОНТЕНТ» — роман о смерти, подписках, донатах и песочных часах, которые нельзя перевернуть. Твоя жизнь — контент. Твоя смерть — тоже.

© Лесин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Таймер	5
Глава 2. Окна в чужие миры	8
Глава 3. Первый эфир. Тень в чате	11
Глава 4. Палина. Отсчёт на перекрёстке	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Лесин

КОНТЕНТ

Глава 1. Таймер

Пробуждение пришло волнами. Сначала тишина — такая плотная, что закладывало уши. Потом свет — тусклый, жёлтый. А затем понимание: я не дома.

Тело затекло. Глаза открывались медленно. Первое, что я увидел, — собственные руки. Они лежали на столешнице из тёмного дерева, исчерченной тонкими царапинами. Под пальцами — мыш. Тяжёлая, латунная, с бархатистой вставкой под запястье. Металл холодный, почти обжигающий. Я не покусал такую никогда.

Вдох. Выдох. Сердце стучало ровно — но где-то внутри уже ворочалась тревога.

Я поднял голову.

Комната была маленькой, но не давила — обволакивала. Стены обиты деревом, потемневшим от времени, с резными вставками, похожими на шестерёнки. Из-за панелей доносился низкий, утробный гул — будто там дышало что-то огромное. Высокий потолок терялся в полумраке; оттуда свисали на витых шнурах лампы накаливания. Их свет — тёплый, но уставший. В воздухе — горечь нагретой латуни и сладковатый запах стареющего дерева.

Слева — кровать под балдахином из бордовой ткани. Рядом гардероб с зеркалом. В зеркале отражался бледный парень в домашней футболке и спортивных штанах, с расширенными зрачками.

Справа — дверь в ванную с латунной ручкой. А рядом, ниже, квадратная створка с вертушкой, как на старых корабельных иллюминаторах. Над ней — фонарь с матовым стеклом. Сейчас не горел.

Под ногами — холодные широкие доски, потемневшие от времени. Я пошевелил пальцами ног. Под тонким слоем пыли — или сажу? — дерево было гладким, отполированным до маслянистого блеска.

Я перевёл взгляд на стол. Три монитора. Встроенные в столешницу, в тяжёлые латунные рамы. На левом, самом большом, горели оранжевые цифры.

02:31:18 – 02:31:17 – 02:31:16

Таймер. Отсчёт.

— Это сон, — сказал я вслух. Голос прозвучал хрипло, чужим. — Просто очень странный сон.

Я ждал, что картинка поплывёт, щёлкнет — и я открою глаза дома. Ничего.

Только тишина стала плотнее.

Я встал. Кресло, в котором сидел, было огромным, с высокими подлокотниками, обитыми бархатом цвета запёкшейся крови. Ноги слушались плохо, но я заставил себя сделать шаг. Подошёл к стене, провёл рукой по дереву. Холодное, гладкое, без единой щели.

Маленькая створка на уровне пояса. Повернул вертушку — металл чуть шершавый от патины. Створка открылась с маслянистым усилием. Внутри — пустой куб, обитый серым войлоком. Пустота.

Я закрыл створку и сел прямо на пол, прислонившись спиной к стене.

Надо было думать. Спокойно. Методично.

Отец учил в детстве: «Попал в беду — не паникуй, включай голову».

Я закрыл глаза и начал вспоминать.

Суббота. Вечер.

Я сидел за компьютером в своей квартире. На экране — стримы. Скука. Потом сообщение. Девушка. Симпатичная, живые глаза. Мы переписывались несколько дней. Легко, без неловких пауз.

«Завтра? В шесть?» — написал я.

«Давай) Только не в кофейню, я кофе не очень. Может, в парк?»

«Договорились»

Я отложил телефон, улыбаясь. Побродил по стримам, ничего не нашёл, налил кофе. Помню, как пил его у окна, глядя на огни города. Помню, как допил, поставил кружку на стол — и вдруг толчок в груди.

Сердце сжалось, пропустило удар, зачастило. Старая болячка, аритмия. Я потер грудь, хотел сесть — но ноги подкосились.

«Только не сейчас, завтра же встреча».

И всё.

Дальше — пустота. Ни снов, ни провалов. Просто щелчок — и я здесь.

Я открыл глаза. Перевёл взгляд на правый монитор.

Он был выключен, но не мёртв. На чёрном стекле пульсировало изображение. Латунная шестерня. Она медленно вращалась, раздвигая клубящийся туман. Под ней — надпись витиеватым выцветшим шрифтом:

КОНТЕНТ

Я взял мышь. Палец нашёл колесико. Крутанул. Щелчок. Шестерня дёрнулась, подсветилась золотом.

Гул за стеной стих.

Я нажал.

Экран моргнул. На нём появился старик. Седой, борода клинышком, глаза светлые, почти прозрачные. Он смотрел прямо на меня — сквозь меня.

Голос — глухой, металлический, как у старого граммофона — заполнил комнату:

— Здравствуй, Максим. Мне жаль тебе это сообщать, но ты умер.

Я замер.

— Это шутка? Розыгрыш?

Старик не ответил. Запись продолжилась:

— Здесь ты не будешь чувствовать голод или страх. Если голоден — просто подумай. Лампочка над нишей загорится — и ты получишь еду. Однако помни: чрезмерные желания будут стоить тебе дорого. Если твои желания превышают потребности, кому-то придётся за это заплатить.

— Кто ты? — перебил я. — Где я? Выпустите меня!

Старик не моргнул.

— Эта комната — не клетка. Когда ты её покинешь, решаешь только ты. По истечении таймера ты должен начать трансляцию. Только от твоего зрителя зависит твой путь. Дерзай — решай свою судьбу.

Экран погас. На секунду стало совсем темно — даже лампы съёжились. Потом свет вернулся — тусклый, усталый.

Таймер показывал 01:54:23.

Я перевёл взгляд на стол. Справа от мониторов, на отдельной латунной подставке, стояли три колбы. Толстое стекло с лёгкой зеленцой. Колбы установлены вверх дном — округлые основания смотрели в потолок. Металл подставки тёмный, с едва заметными потёками. Все три колбы — абсолютно пусты.

Я провёл пальцем по подставке. Холодно. Но под пальцем угадывалась вибрация — слабая, едва различимая. Будто внутри что-то жило.

Правый монитор загорелся снова. Теперь на нём была не запись — интерфейс. Окна заполняли экран, выстраиваясь в бесконечную ленту. Я потянул ползунок — и сотни, тысячи окон поплыли перед глазами. В каждом — комната. В каждой — человек.

Я смотрел на них, как в аквариум. Мужчины, женщины. Кто-то сидел за такими же столами, кто-то лежал на кроватях, кто-то ходил по комнате, жестикулируя.

Я остановился на девушке. У неё был новый айфон. Она вертела его в руках.

— ...да нет, он работает. Камера снимает, приложения открываются. Только связи нет, интернета нет. Я неделю собирала на него — а он теперь только время показывает.

Она засмеялась — невесело.

Я закрыл стрим. Откинулся в кресле.

Фонарь над нишей моргнул — тускло, неуверенно — и загорелся зелёным ровным светом.

Я подумал о еде. Подумал о горячем, сытном — о картофельном пюре с гуляшом, о кофе.

Фонарь горел.

Я встал, подошёл к нише. Пальцы дрожали, когда я повернул вертушку. Створка открылась с тихим щелчком.

Внутри, на сером войлоке, стояла тарелка. Картофельное пюре с маслом, в отдельной миске — гуляш. Крупные куски мяса в тёмной подливке. Ложка. Кружка с дымящимся кофе.

Я взял поднос. Вернулся за стол. Сел в кресло. Поднёс ложку ко рту.

Пюре — горячее, нежное, идеально посоленное. Гуляш таял на языке. Кофе обжигал горло.

Вкус был идеальным.

Но что-то было не так.

Где-то под рёбрами возникло странное ощущение. Будто я проглотил не горячую еду, а что-то чужое. Холодное. Липкое.

— Что это было? — спросил я вслух.

Зелёный свет фонаря.

И тишина.

Глава 2. Окна в чужие миры

Я сидел за столом, глядя на пустые колбы. Три стеклянных сосуда поблёскивали в свете ламп. На их стенах тянулись едва заметные неровности, пузырьки, застывшие при выдувании. Они переливались, искажая свет, и казались древними — будто их сделали сто лет назад.

Таймер на левом мониторе отсчитывал секунды.

01:07:44

Час семь минут до чего-то, о чём я не имел ни малейшего понятия.

Гул за стеной не стихал — ровный, фоновый, как дыхание спящего зверя. Ты привыкаешь к нему, но всё равно слушаешь краем уха: ждёшь, когда собьётся.

Я перевёл взгляд на правый монитор. Интерфейс горел приглушённым светом, разворачивая передо мной бесконечную галерею чужих жизней.

Сотни окон. Сотни комнат. Сотни людей.

Я начал листать.

Вот парень, чуть старше меня, с выбритыми висками. Он орал на кого-то в чате, размахивая руками. В углу его окна горела цифра — 340 зрителей. На столе — три колбы. Я впервые увидел, что в них не пусто.

В левой — почти до самого верха золотистый песок. Он мерцал тёплым, живым светом. Вторая была заполнена красным песком почти на треть — густым, с тёмным отливом, как засохшая кровь сквозь мутное стекло. На дне третьей лежало немного белого — молочного, почти прозрачного.

Дальше. Девушка тихо читала книгу, изредка поднимая глаза. У неё песок распределялся иначе: золотой занимал чуть меньше половины, красный и белый лежали поровну — тонкими слоями, как слоёное тесто.

Дальше. Парень спал, свернувшись калачиком. Трое зрителей. Колбы почти пустые — только на дне одной горстка золотистых песчинок, больше похожая на пыль.

Я остановился на мужчине — усталый, с мешками под глазами. Он сидел за столом и писал перьевой ручкой. Губы шевелились, будто разговаривал сам с собой. В его колбах золотой доходил чуть меньше половины, красный и белый почти отсутствовали — но на дне красной я заметил несколько тёмных, почти чёрных песчинок.

Я открыл его стрим.

— ...и если рассматривать это как замкнутую систему, — говорил он, не поднимая головы, — то логично предположить, что источник энергии находится вне её периметра. На входе — наши действия, на выходе — песок. Что внутри — неизвестно.

Он отложил ручку. Потянулся. И его взгляд, скользнув по экрану, вдруг остановился прямо на мне.

Я замер. Сердце пропустило удар.

Он не мог меня видеть. Не мог. Но смотрел.

— А, новенький, — сказал он. — Привет. Долго будешь прятаться?

«Я не прячусь. Просто смотрю», — написал я в чат.

— Не прячешься, — прочитал он вслух. — Хорошо.

Он откинулся в кресле, и я услышал, как скрипнул бархат.

— Иногда система хочет, чтобы я кого-то заметил. Твоё окно становится ярче. Или я чувствую, что ты смотришь. Необъяснимо.

Он помолчал. Встал, подошёл к колбам. Протянул руку, будто хотел взять одну из них — но стекло даже не дрогнуло. Колбы были впаяны в латунную подставку единым блоком.

— Красивые, правда? Как гробы. Только вместо тел — то, что от тебя осталось.

Он вернулся на место.

— Я знаю только одно. Не создавай сборки. Ничего не проси. Еда по мысли — безопасна. Всё остальное забирает что-то. Люди, которые просили, исчезали.

«Исчезали?» — написал я.

— Да. Сначала рос красный песок. Потом белый. Потом золотая колба наполнялась. А потом — бац. Стрим обрывается. И больше они не выходят.

Он усмехнулся — невесело.

— Те, кто «вышел», не возвращались, чтобы рассказать.

Он помолчал, потом подался вперёд. Лицо стало серьёзным, почти испуганным.

— Главное, что я понял: здесь никто ничего не знает. Каждый делает вид, что понимает. Система не объясняет. Книга, которую тебе дают — она полна намёков, но не ответов. Я пытался читать — бросил.

«Какую книгу?»

— В тумбочке у кровати. «КОНТЕНТ» называется.

Он посмотрел на свои колбы. Золотистый песок в левой чуть мерцал.

— Я здесь полгода. Или год. Не помню. Я не создавал сборки, не принимал донаты. Только смотрел и записывал. Думал, пойму. Не понял. Понял только, что чем меньше ты хочешь, тем дольше ты здесь. А чем больше хочешь — тем быстрее кончаешься. Или выходишь. Я не знаю.

«А что на том конце?»

— Не знаю. Никто не знает.

Он потянулся к клавиатуре. Пальцы дрожали.

— Не проси. Ничего не проси.

И закрыл чат.

Я остался сидеть, глядя на его окно. Он снова взялся за ручку. Пальцы дрожали — крупная дрожь, которую нельзя скрыть.

Таймер показывал 00:47:22.

Я посмотрел на свои колбы. Пустые. Ни одной песчинки. Только чистое стекло, отражающее тусклый свет ламп. В отражении — моё лицо: бледное, с тёмными кругами под глазами. В горле пересохло. Я подумал о воде. Фонарь над створкой вспыхнул зелёным.

Я открыл нишу. Внутри стоял гранёный стакан. Я взял его, выпил. Вода идеальная — ни тёплая, ни холодная. Просто вода.

Но жажда не ушла. Не горло — что-то глубже. Что-то, что вода не могла достать.

Я поставил стакан обратно. Закрыл створку. Фонарь погас.

Гул за стеной чуть изменил тональность — стал ниже, будто система переключилась на другую задачу.

Я снова посмотрел на правый монитор. Бесконечная галерея чужих жизней. Одни и те же комнаты, одни и те же колбы, разные люди. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то просто сидел и смотрел в пустоту.

Я заметил, что у некоторых стримеров на столах стояли вещи, которых не было у меня. Кофеварка из полированного металла. Наушники с подсветкой. VR-шлем.

Они собирали на них. Или им подарили. Или они нашли способ получить то, чего хотели.

Олег сказал: не проси.

Но они просили. И у них есть. А у меня — только стакан воды, который не утолил жажду, и пустые колбы.

Таймер показывал 00:12:05.

Двенадцать минут.

Я встал, прошёлся по комнате. Доски под ногами скрипнули — первый звук от пола. Раньше они молчали.

Подошёл к тумбочке у кровати. Открыл ящик. Дерево скрипнуло сухо, натужно — будто его не открывали годами.

Там, на сером войлоке, лежала книга. Кожаный переплёт, потёртые углы. На корешке — выцветшая золотая надпись: «КОНТЕНТ».

Я взял её в руки. Кожа прохладная, гладкая — но под пальцами трещины. Страницы плотные, шершавые, с пожелтевшими краями. Пахло старой бумагой, пылью и чем-то сладковатым — как в библиотеке, где много лет никто не заходил.

Открыл наугад.

«Золотой песок... — не то, чем кажется...»

Перевернул страницу.

«Красный и белый... две дороги... одна ведёт...»

Обрыв. Следующая страница пустая. Пролистал дальше.

«...только от тебя зависит, когда ты покинешь это место...»

Я закрыл книгу. Положил обратно. Листать дальше не было сил.

«Ничего», — сказал я. Но я соврал. Там было что-то. Намёки. Обрывки. Достаточно, чтобы понять: кто-то до меня пытался разобраться в этом месте. И не смог.

Таймер показывал 00:03:01.

Я сел за стол. Поправил футболку. Лампы на потолке чуть притухли, фокус света сместился на меня.

Гул за стеной стих совсем.

00:00:05 – 00:00:04 – 00:00:03 – 00:00:02 – 00:00:01 – 00:00:00

Левый монитор ожил, показав моё отражение. Бледный, с тёмными кругами под глазами. Центральный зажгёт чат и счётчик зрителей.

1

— Привет, — сказал я. Голос прозвучал хрипло. Слишком громко для этой тишины, слишком тихо для того, чтобы меня слышали.

Чат молчал.

— Я только что разговаривал с парнем. Его зовут Олег. Он сказал: не создавай сборы, не принимай донаты. Люди исчезают.

Я посмотрел на золотую колбу. Пустая.

— Я не буду. Я ничего не буду просить. Я просто буду говорить и смотреть. Ничего больше.

Счётчик моргнул.

2

— Привет, — сказал я. — Меня зовут Максим.

Чат молчал.

Но я чувствовал, что меня слышат.

И этого было достаточно.

Глава 3. Первый эфир. Тень в чате

Счётчик зрителей показывал двойку.

Двое. Кто-то, кто был здесь с самого начала, и тот, кто зашёл только что. Я сглотнул. Горло пересохло.

Я посмотрел на своё отражение на левом мониторе. Камера будто висела чуть выше — но когда я поднял голову, там была только стена. Никаких камер. Абсурд происходящего всё ещё пугал.

— Ну что ж, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Начнём.

Чат молчал.

— Я ничего не буду просить. Никаких сборов, никаких донатов. Только смотреть и говорить.

Пауза. Тишина.

— Хотя... о чём говорить, если никто не отвечает?

Я усмехнулся собственной шутке. Усмешка вышла кривой.

На правом мониторе горела бесконечная сетка стримов. Сотни окон. Сотни людей.

— Ладно. Буду смотреть кино.

Я выбрал «Дюну». Картинка развернулась на левом мониторе, закрыв моё отражение. В углу осталась только маленькая иконка с моим лицом.

Гул за стеной чуть изменил тональность. Стал выше — будто система настраивалась.

— Если хотите — смотрите со мной.

Фильм пошёл. Я вглядывался в кадры, но не мог сосредоточиться. Всё время косился на счётчик.

3 – 4 – 3 – 5 – 4

Цифры прыгали.

— Вот это я понимаю — песок, — сказал я, когда на экране появились барханы Арракиса.

— У нас тут тоже песок. Только в колбах.

В чате мелькнуло сообщение.

«Твой песок красивее. Его просто пока нет».

Я замер. Первое сообщение. Прочитал трижды.

— Спасибо. Надеюсь, ты прав.

Сообщение исчезло. Счётчик снова показал тройку.

Я комментировал вяло, без огонька. Слова давались с трудом. Чат молчал.

В какой-то момент я сказал:

— Пол Атрейдес тоже не хотел быть избранным. Просто втянули. Как и мы.

Тишина.

— Только у нас нет песчаных червей. Пока нет.

В чате появилось новое сообщение. Серое, призрачное, будто написанное на выцветшей бумаге.

«Не искушай судьбу».

Сердце пропустило удар. Сообщение висело секунду, может, две — и исчезло. Словно его стёрли.

— Кто это написал? — спросил я. Голос дрогнул. — Если ты меня слышишь... ответь.

Ничего. Только мерцающий курсор. Счётчик: 3.

Гул за стеной стал громче.

Я закрыл фильм. Левый монитор снова показал моё отражение. Лампы чуть прибавили яркости.

— Ладно. Продолжим.

Я открыл список стримов. Проллистал, задерживаясь на тех, у кого было много зрителей. Вот парень играет в стрелялку, орёт на ботов. Пятьсот зрителей. Золотая колба почти полна, красная — на треть. Вот девушка читает книгу вслух — сто двадцать зрителей, колбы заполнены ровнее. Вот спящий парень. Три зрителя.

— Почему люди смотрят, как кто-то спит? — спросил я. — Не понимаю.

Чат молчал.

Я наткнулся на окно, которое показалось знакомым. Девушка с длинными тёмными волосами, собранными в пучок. Она что-то рассказывала, улыбаясь. Счётчик: 340.

Я развернул её стрим.

Чат у неё бурлил. Сообщения летели так быстро, что я не успевал читать.

И вдруг — одно сообщение выделилось. Бледно-серое, будто призрак.

«Я был как ты. Уходи!»

Я моргнул. Сообщение исчезло через секунду. Девушка не отреагировала.

Я написал ей в личку:

«Привет. Я Максим, новичок. Ты не видела странное сообщение? "Я был как ты. Уходи".»

Ответ пришёл через минуту.

«Видела. Не обращай внимания. Тролли или сумасшедшие. Система их быстро чистит. Просто делай своё дело».

Я хотел спросить ещё, но передумал.

«Спасибо. Держись».

«И ты».

Я закрыл её стрим. Счётчик зрителей показывал 4.

— Ладно. Продолжим.

Я открыл «Portal». Старую, знакомую игру. Начал проходить, комментируя.

— Вот этот уровень. Я всегда думал, что головоломки — это метафора жизни. Ищешь выход, пробуешь варианты, ошибаешься. А потом — раз! — и решение приходит само.

Счётчик прыгал: 4, 5, 4.

Через два часа я устал. Глаза слипались, голос сел.

— Всё, народ. Возьму паузу. Пойду поем, приму душ.

Счётчик показал 2.

— Спасибо, что были со мной.

Я встал. Мысленно пожелал суп. Фонарь над створкой загорелся зелёным. В нише стояла тарелка с борщом, сметана, хлеб, стакан компота. Я поел, глядя на почти пустой чат. Счётчик: 1.

Кто-то остался. Молчаливый. Тот, кто был с самого начала.

— Ты ещё здесь, — сказал я.

Чат молчал.

Я принял душ. Вода была горячей — я стоял под струёй, чувствуя, как капли бьют по затылку. Но что-то внутри не смывалось. То, что поселилось там с того момента, как я нажал на иконку.

Вернувшись в комнату, я лёг на кровать. Балдахин нависал тёмной тучей. Лампы горели ровно.

Я закрыл глаза. Думал об Олеге, о девушке со странным сообщением, о спящем парне с тремя зрителями.

«Не искушай судьбу».

Сон не шёл.

Я сел на кровати. Взгляд упал на тумбочку. Книга.
Я взял её, открыл.
Текст был выцветшим, почти нечитаемым.
«Ты умер. Это не сон и не галлюцинация. Твоё тело осталось там, душа — здесь. Эта комната — не рай и не ад. Это твой шанс».
Я перевернул страницу. Обрывки.
«...колбы... три... золотая... мера... влияния...»
«...красный и белый... две дороги... одна ведёт... другая...»
«...сборы... донаты... цена...»
И в самом конце, на последней странице:
«Никто не знает, что ждёт в конце. Никто не вернулся, чтобы рассказать. Но каждый выбирает свой путь. Каждый платит свою цену. Выбирай с умом».
— С умом, — прошептал я.
Закрыв книгу. Положил на тумбочку.
И в тишине услышал звук.
Всхлипы. Тихо, сдавленно. Будто человек старался плакать беззвучно.
Я замер. Сердце заколотилось.
Всхлипы шли из правого монитора.

Я медленно подошёл к столу. Левый монитор всё ещё горел. Трансляция не прекращалась. Восемь часов ещё не вышли. Моё отражение смотрело в пустоту. Счётчик зрителей показывал 2 — кто-то, кто оставался, и тот, кто зашёл только что.

Я нашёл окно Палины — в самом низу списка. Девушка. Лет двадцать, светлые волосы, большие глаза. Она сидела за столом, обхватив голову руками, и плакала. В её чате было пусто. Счётчик: 1.

Я открыл профиль. Имя: Палина. Время в системе: несколько часов.
Я написал в её чат:
«Привет. Я Максим. Я тоже здесь новичок. Ты не одна».
Ответ пришёл почти сразу.
«Ты настоящий? Из этих?»
Она думала, что я зритель.
«Настоящий. Я в такой же комнате. С такими же колбами и таймером».
Она подняла голову, вытерла лицо.
«Ты не врешь?»
«Не вру. Я здесь второй день. Я тоже боюсь».
Она долго молчала.
«Я... я боюсь, Максим. Я стучала в стены, кричала. Никто не ответил. Думала, я одна».
«Понимаю. Но теперь ты не одна. Давай просто будем на связи».
«Договорились. Спасибо. Ты не представляешь, как я рада».
Я хотел написать ещё, но не нашёл слов. Просто смотрел на её окно. Она вытерла лицо, глубоко вздохнула и слабо улыбнулась.
Я закрыл её стрим. Лёг на кровать.
— Не одна, — прошептал я.
Лампы чуть притухли. Гул серверов стал тише.
Сон пришёл быстро — тяжёлый, без сновидений. Только темнота и редкие всхлипы, которые больше не пугали.

Глава 4. Палина. Отсчёт на перекрёстке

Сознание возвращалось кусками — словно разбитое зеркало, которое кто-то пытался склеить наспех.

Сначала звук. Резкий, режущий, от которого заложило уши. Гудок. Автомобильный гудок — долгий, отчаянный, чужой. Он ввинтился в голову и застрял там, пульсируя в висках.

Потом запах. Гарь. Жжёная резина и бензин, смешанные с чем-то сладковатым, приторным. Осенние листья? Духи подруги? Или кровь?

И темнота. Густая, вязкая, как патока.

А потом — тишина.

Абсолютная, мёртвая тишина, в которой даже собственное сердце билось где-то далеко, за стеной ваты.

Палина открыла глаза.

Потолок высокий, тёмный, с резными деревянными балками. С них свисали на витых шнурах лампы накаливания — старые, с толстыми вольфрамовыми нитями. Нити чуть заметно подрагивали, отбрасывая на стены пляшущие тени.

Она лежала на кровати. Огромной, нелепой кровати под балдахином из тяжёлой бордовой ткани. Простыни белые, накрахмаленные, пахли чем-то старым, аптечным — лавандой или камфорой.

— Где я? — прошептала она.

Голос прозвучал глухо, будто из-под воды. Она приподнялась на локтях, огляделась.

Комната была небольшой, но какой-то неправильной — слишком богатой для такой площади. Стены из тёмного дерева с резными вставками, изображавшими то ли виноградные лозы, то ли шестерёнки. Пол — широкие доски, потемневшие от времени. В углу — массивный гардероб с зеркалом в полный рост, покрытым лёгкой патиной. Рядом — дверь с латунной ручкой-вертушкой. Напротив кровати — стол.

Стол был странным. Огромным, тяжёлым, с тремя мониторами, встроенными в столешницу в латунные рамы. Левый горел оранжевыми цифрами.

03:47:12 – 03:47:11 – 03:47:10

Таймер.

А справа от мониторов, на отдельной латунной подставке, стояли три стеклянные колбы — высокие, похожие на гигантские пробирки, перевёрнутые вверх дном. Внутри — ничего. Только чистое стекло.

— Это сон, — сказала она громче. — Я сейчас проснусь.

Она сжала простыню в кулаке, зажмурилась, с силой потёрла глаза. Открыла.

Цифры на мониторе уменьшились на три секунды.

— Нет. Нет-нет-нет.

Она вскочила с кровати, едва не запутавшись в длинной ночной рубашке — чужой, шёлковой, холодной. Босиком бросилась к стене. Провела ладонями по дереву — гладкое, холодное, без единой щербинки. Постучала костяшками — глухой, одинаковый звук.

— Здесь есть дверь! Должна быть!

Она обожала комнату по периметру, ощупывая каждый сантиметр стен. Везде одно и то же: тёмное дерево, резьба, никаких зазоров.

Она остановилась перед маленькой створкой на уровне пояса. Повернула вертушку. Металл холодный, чуть шершавый. Створка открылась, пахнуло пустотой. Внутри — серый войлок, и больше ничего.

— Что это? — спросила она у пустоты.

Она захлопнула створку и заметила фонарь над ней. Матовое стекло, латунный корпус. Сейчас не горел.

Она отступила на шаг. В голове шумело. Сердце колотилось где-то в горле.

— Выход должен быть. Не может быть, чтобы выхода не было.

Она схватила стул — массивный, деревянный, с высокой резной спинкой — и со всей силы ударила им в стену.

Удар глухо, с маслянистым стуком, отразился от дерева. Стул отскочил, едва не вылетев из рук. На стене — ни царапины.

Она ударила снова. И снова. И снова.

— Откройте! Вы слышите меня? Откройте, чёрт возьми!

Стул трещал, но не ломался. Стена не поддавалась. Лампы на потолке мигнули, чуть притухли — будто их пугал этот крик.

Палина обессиленно опустила на пол, прислонившись спиной к стене. Стул выпал из рук, с грохотом покатился по доскам.

— Что я сделала? — прошептала она.

Слёзы полились сами собой — горячие, солёные, обжигающие щёки. Она плакала навзрыд, как в детстве, когда потерялась в торговом центре и боялась, что мама не найдёт её.

— Мама... я здесь...

Но мама не пришла. Никто не пришёл. Только тишина и тусклый свет умирающих ламп. Где-то за стеной загудела система — низко, утробно, будто вздохнула.

Неизвестно, сколько времени она просидела так. Может, час. Может, два. Таймер продолжал тикать.

02:15:44

Постепенно слёзы иссякли. Дыхание выровнялось. Палина вытерла лицо тыльной стороной ладони и заставила себя встать.

— Хватит. Хватит ныть.

Она подняла стул, поставила на место. Оглядела комнату: разгром, который она устроила в приступе паники. Смятая постель, сдвинутый коврик, опрокинутая настольная лампа. Она даже не заметила, когда это случилось.

— Порядок. Сначала порядок.

Она заправила кровать, поправила покрывало. Поставила лампу на место. Вернула коврик. Прошла по комнате, собирая несуществующий мусор — просто чтобы занять руки, успокоить мысли.

Когда относительный порядок был восстановлен, она села за стол.

Мониторы смотрели на неё тёмными стеклами. Левый отсчитывал время. Правый был выключен — но в самом центре, на чёрном фоне, пульсировало едва заметное изображение.

Палина наклонилась ближе.

Латунная шестерня. Она медленно вращалась, раздвигая клубящийся туман. Под ней — надпись.

КОНТЕНТ

Она оглядела стол в поисках мыши. Нашла — странную, тяжёлую, с латунными вставками и бархатистой подложкой под запястье. Взяла в правую руку. Мышь легла идеально, будто была сделана для её ладони.

Палец нащупал колесико. Она крутанула. Тихий, механический щелчок. Шестерня дёрнулась, подсветилась тусклым золотом.

Палина замерла.

— Это... стрим, что ли?

Она не была экспертом в стримах. Видела пару раз, как однокурсники что-то транслировали. Ей это казалось глупым. Зачем показывать свою жизнь чужим людям?

Но сейчас у неё не было выбора.

Она нажала.

Экран моргнул. На нём появился старик. Седой, борода клинышком, глаза светлые, почти прозрачные.

— Здравствуй, Палина. Мне жаль тебе это сообщать, но ты умерла.

Она не закричала. Не заплакала. Только сжала челюсти так сильно, что хрустнули зубы.

— Я знала. Я догадалась.

Запись продолжалась, не обращая внимания на её слова.

— Здесь ты не будешь чувствовать голод или страх. Если голодна — просто подумай. Лампочка над створкой загорится — ты получишь еду. Однако помни: чрезмерные желания будут стоить тебе дорого. Если твои желания превышают потребности, кому-то придётся за это заплатить. Эта комната — не клетка. Когда ты её покинешь, решаешь только ты. По истечении таймера ты должна начать трансляцию. Только от твоего зрителя зависит твой путь. Дерзай — решай свою судьбу.

Экран погас.

Палина осталась сидеть, глядя на своё отражение в тёмном стекле.

— Трансляцию. Я должна вести стрим.

Таймер показывал 01:47:22.

— У меня есть время. Время подумать.

Она снова посмотрела на правый монитор. Теперь на нём горела бесконечная сетка окон. Сотни, тысячи людей в таких же комнатах, как у неё.

— Это... все они умерли?

Она начала листать. Окна подпрыгивали, менялись местами, пока она не сосредоточилась на мысли «отсортировать по популярности». Список перестроился.

Первым бросился в глаза парень с выбритыми висками. Он орал на чат:

— ...да вы все дебилы! Хотите контент? Получите!

Он разбил что-то на столе. Чат взорвался. Палина поморщилась и закрыла окно.

— Нет. Не моё.

Дальше — девушка. Симпатичная, с длинными тёмными волосами, собранными в пучок. Она что-то рассказывала, улыбаясь. Чат бурлил сердечками.

Палина задержалась на её окне. Посмотрела на колбы. Золотая — почти наполовину. Красная — на треть. Белая — чуть больше.

Она закрыла окно и продолжила листать. Всё больше лиц, всё больше комнат. Кто-то спал, кто-то ел, кто-то просто сидел и смотрел в пустоту. У всех — три колбы. У кого-то почти пустые, у кого-то полные. У некоторых красный песок доходил почти до края.

Палина смотрела и чувствовала, как внутри разрастается холод. Она не знала, что это значит. Почему у одних больше красного, у других — белого? И что будет, когда колбы заполнятся?

Она закрыла список стримов. Таймер показывал 00:15:03.

Пятнадцать минут.

Она откинулась в кресле, чувствуя, как бархат обнимает спину. Лампы на потолке чуть прибавили яркости — будто подбадривали.

— Я готова.

00:00:00.

Левый монитор ожил, показав её отражение — бледную, растрёпанную, с красными глазами. Центральный зажёл чат и счётчик зрителей.

1

— Привет, — сказала она в камеру. — Я... я не знаю, что делать. Я всё обыскала. Ни дверей, ни окон. Только эти дурацкие колбы и таймер.

Она говорила, изливала душу, рассказывала о переходе дороги, о гудке, о подруге. Слова лились сами собой, тяжёлые, как камни.

— Я не знаю, зачем я здесь. Я ничего не знаю.

Чат молчал. Счётчик показывал единицу.

— Я просто хочу домой. К маме. К коту. Я хочу, чтобы это всё оказалось сном.

И в этот момент в чате появилось сообщение.

«Привет, Палина. Я Максим. Я тоже здесь новичок. Ты не одна».

Она замерла. Перечитала.

— Ты настоящий? Или из этих?

«Настоящий. Я в такой же комнате. С такими же колбами и таймером».

Она смотрела на экран, не веря.

«Я... я думала, я одна. Совсем одна».

«Понимаю. Я тоже так думал. Но теперь ты не одна. Давай просто будем на связи».

«Договорились. Спасибо. Ты не представляешь...»

Она не закончила. Гул за стеной чуть изменил тональность — стал тише, будто система тоже выдохнула.

Они обменялись ещё парой фраз. Когда диалог затих, Палина откинулась в кресле.

— Не одна, — прошептала она.

Лампы чуть прибавили яркости.

Она посмотрела в камеру. Счётчик показывал двойку — Максим и тот, первый, молчаливый.

— Ладно. Раз уж вы здесь... давайте знакомиться.

Время тянулось медленно. Палина говорила, иногда замолкала, смотрела на чужие стримы, пыталась понять, что к чему. Счётчик прыгал: 2, 3, 2, 4, 2. Кто-то заходил, кто-то уходил.

Когда обязательные восемь часов подошли к концу, система погасила левый монитор. Стрим кончился.

Палина закрыла чат. Встала, потянулась. Тело ныло от долгого сидения, но усталость была странной — не физической, какой-то внутренней.

Она прошла в ванную, умылась. Вода была тёплой, пахла озоном. Посмотрела в зеркало — на неё смотрела чужая девушка. Бледная, с тёмными кругами под глазами, в чужой шёлковой рубашке.

— Кто ты? — прошептала она своему отражению.

Отражение не ответило.

Палина выключила воду, вернулась в комнату. Лампы на потолке чуть притухли, готовясь ко сну. Она легла на кровать, укрылась тяжёлым одеялом.

Закрывает глаза. В голове крутились мысли: Максим, колбы, исчезнувшие стримеры, красный песок.

Кап.

Она открыла глаза. Тишина. Лампы едва мерцали.

Кап.

Из ванной. Вода. Она точно закрыла кран. Точно.

Кап.

Палина села на кровати, прислушалась. Тишина. Только сердце, колотящееся в горле. Она встала, босиком прошла к двери ванной. Латунная ручка холодная. Толкнула дверь. В ванной было темно. Она нащупала выключатель — лампочка над зеркалом зажглась, тусклая, жёлтая. Кран закрыт. Сухой.

Палина протянула руку, повернула вентиль — до упора. Из крана сорвалась последняя капля.

— Всё. Закрыла.

Она повернулась, чтобы выйти.

И замерла.

Из комнаты доносился звук. Тонкий, прерывистый. Всклип.

Она сделала шаг, другой. Выглянула.

Комната пуста. Кровать, стол, кресло, мониторы. Никого.

Но звук не стихал. Он шёл откуда-то справа. От стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.